ПѢСНЯ

РАТНИКОВЪ

ВСЕОБЩАГО

ОПОЛЧЕНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ Типографіи Ивана Глазунова
1812 года.

2027.
Ф - 7

Печатать позволяется,

С. Петербургъ. 1812 года, Ноября 4 дня.

Цензоръ Иванъ Тимковской.

ПѢСНЯ
РАТНИКОВЪ.

Ни видомъ, братцы, зла не видано,
Ни слыхомъ такихъ бѣдъ не слыхано,
Что теперь въ Руси совершается;
Что въ Москвѣ нашей приключилося.

Ни Татарове, ни Поляки встарь,
Столько лютостей не надѣлали,
Какъ Французишки кровожадные,
Бонапартевы псы несытые.

Врагъ вселенной всей, другъ нечестія,
Омерзѣніе человѣчества,
Наважденіе сатанинское,
Бонапартъ вскочилъ въ каменну Москву.

Онъ взошелъ въ нее, какъ разбойникъ злой:
Всѣ ограбилъ въ ней храмы Божіи,
Всякъ олтарь попралъ поруганіемъ,
Осквернилъ внутри непотребствами.

Ризы честныя на попоны рвалъ,
На помостъ церквей лошадей вводилъ,
Со святыхъ иконъ всѣ оклады снялъ,
Зелено вино изъ сосудовъ пилъ.

Домы барскіе онъ разграбилъ всѣ,
Ихъ сокровища захватилъ въ корысть;
Чего жъ взять несмогъ — истребилъ въ огнѣ;
Не успѣлъ сглотить — вылилъ на землю.

Паругался онъ надъ невинностью:
Дочерей и женъ, намъ осп вшихся,
Всѣхъ ловилъ къ себѣ, съ звѣрской лютостью,
Не въ любовь склонять — а насиловать.

Руку хищную на гроба просперъ:
Вскрылъ онъ прежде ихъ суда Божія;
Шевельнулъ костьми нашихъ праотцовъ;
Разметалъ ихъ прахъ по сырой землѣ.

Но и симъ, злодѣй, недоволенъ былъ:
Обратилъ свой ядъ на безчувственныхъ;
Онъ пустилъ огонь по часпямъ Москвы,
Сжегъ красавицу бѣлокаменну.

Чего сжечь несмогъ, то разрушилъ онъ:
Крѣпкой городъ Кремль, древни зданія,
Домы Царскіе, дивны шеремы,
И палаты всѣ взорвалъ порохомъ.

Плачъ и стонъ вселилъ во святую Русь:
Каждой домъ одѣлъ въ платье черное;
Онъ вдовѣнь пустилъ многи тысячи,
Въ сиропствѣ спрадать — что и счету нѣтъ.

Отнялъ всяніе въ селахъ промыслы,
Города лишилъ онъ торговли всей;
Запереть хотѣлъ наши пристани,
Пересѣчь торги съ Англичанами.

А стоявъ въ Москвѣ, онъ народъ хватала,
Чтобъ таскалъ ему, такъ какъ лошади,
Имъ награбленны всѣ сокровища;
Кто же снесть несмогъ — тѣхъ кололъ какъ скотъ.

Созывалъ крестьянъ, мастеровъ скликалъ,
Обѣщавъ покой, вольность всякому;
Но прельстивъ однихъ, захвативъ другихъ,
Подвергалъ ихъ всѣхъ злымъ мученіямъ.

Билъ несчастныхъ жертвъ, безоруженныхъ;
А побивъ лишилъ погребѣнія,
И на улицахъ бросилъ трупы ихъ,
Псамъ прожорливымъ на съѣденіе.

Когда жъ нѣчево стало жрать ему,
Взвылъ тогда, злодѣй, какъ голодной волкъ:
Распустилъ окрестъ сволочь жадную,
Какъ звѣрей степныхъ пожирать нашъ хлѣбъ.

Грабить стали насъ, какъ разбойники,
И какъ демоны — всѣхъ насиловать;
А скрывавшихся, такъ какъ псы искать;
Убѣгающихъ — на бѣгу стрѣлять.

Такъ воспанемъ же, мужи храбрые,
Царя Бѣлаго вѣрноподданны,
На ЕГО врага вѣроломнаго,
На злодѣя всей поднебесныя.

Ополчимся мы крестнымъ знаменьемъ,
Опояшемся вѣрой правдою;
Отомстимъ врагу за престолъ Царей,
За Москву городъ, всѣхъ градовъ красу.

Мы пойдемъ, друзья, грудью бѣлою;
Будемъ воины Божьей Матери;
Истребимъ вконецъ силу вражію:
Спанемъ бить мы ихъ, гдѣ ни всхрѣпутся.

Ужъ немного ихъ и осталося;
Насъ же, молодцы, милiоны душъ.
Мы слетимся съ со четырехъ странъ,
Какъ гуспы спада, все орлиныя.

Мы сразимъ тучи истребиныя,
Что нагрянули изъ далекихъ странъ;
Пустимъ перья ихъ по подпебесью;
Черну кровь прольемъ по бѣлымъ снѣгамъ.

Предадимъ тѣла въ снѣдь сѣрымъ волкамъ,
На склеванiе черным воронамъ.
Пусть костьми лягутъ на святой Руси;
Пусть оставшiе знаютъ мочь ея.

А Москва опять изукрасится;
Вознесется вновь въ золотыхъ верхахъ:
Домы сломанны перестроются,
А сожженные вновь поставятся.

Привалитъ народъ изъ всѣхъ областей;
И какъ силою чародѣйскою
Сотворитъ Москвой чудо новое,
Во вселенной всей небывалое.

Нашъ ОТЕЦЪ родной, АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛЫЧЪ,
Изъ казны своей милiоны дастъ,
Къ украшенiю тѣхъ святыхъ церквей,
Гдѣ вѣнцемъ Царскимъ увѣнчался ОНЪ.

А къ ограбленнымъ будетъ милостивъ,
Чтобъ несчастные поисправились,
Къ обновленію того города,
Гдѣ святымъ муромъ ОНЪ помазался.

Бонапартие же, некрещоной лобъ:
Вѣдь бывалъ уже онъ и Туркою;
Бусурманился съ Фараонами (*),
Жидовинился со Раввинами.

Но услыша вдругъ о Суворовѣ,
Что въ Италіи бьетъ Французишковъ,
Убѣжалъ тайкомъ изъ Египета,
И схватилъ вѣнецъ Императорской.

Такъ вскочилъ, хищникъ, въ стрѣмя Царское,
И смутилъ, злодѣй, всю Немецію;
Обольстилъ ея повелителей,
Захватилъ во власть бѣдныхъ жителей.

Онъ принудилъ ихъ стать въ полки свои,
И повелъ съ собой оборванцами,
Чтобъ такими же Москвичей пустить,
А голыдьбѣ той поважиться дать.

Удалось врагу завладѣть Москвой;
Удалось ее разорить дотла;
Но не могъ, злодѣй, удержать ее:
Побѣжалъ изъ ней въ страхѣ, трепетъ.

Онъ схватилъ въ Москвѣ, что лишь могъ схватить;
Но кускомъ такимъ, воръ, подавится:
Не пойдетъ ему впрокъ грабежъ его;
Ногъ не вынесетъ и со сволочью.

(*) Съ Мамелюками.

Лишь недѣли двѣ — анъ и мапъ ему!
Тутъ узнаешь онъ спужу Рускую;
Отъ безкормицы закричишь пардонъ,
А отъ нашихъ рукъ прямо въ адъ пойдешь.

Намъ солдапушки со шпыками пхъ,
А козаченьки въ помочъ съ пиками;
Офицеры всѣ съ расторопностью,
Генералы же съ дивнымъ мужествомъ.

Князь Фелдмаршалъ нашъ все устроилъ такъ,
Что отъ Рускова храбра воинства,
И отъ ратниковъ, добрыхъ молодцовъ,
Не уйдешъ злодѣй, ни съ одной душой.

Российская
Государственная
библиотека
2020-95
ИНВ. XIX-12953